АРХАНГЕЛЬСКИЕ ГОСТИНЫЕ ДВОРЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

DOI 10.34685/HI.2026.89.11.008

Вадатурский Дмитрий Александрович,
научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Государственного института искусствознания (Москва)
Email: vda-1987@yandex.ru

Аннотация. *В статье подробно рассматривается архитектурный декор архангельских гостиных дворов, выявляется круг аналогов, а также то влияние, которое оказала грандиозная стройка на строительную практику всей Руси на несколько десятилетий вперёд.*

Ключевые слова: *каменное зодчество, каменщики, XVII век, Архангельск, гостиный двор, сравнительное искусствознание.*

Архангельский гостиный двор (**Рис. 1**) – выдающееся сооружение русской архитектуры, одна из крупнейших строек допетровской эпохи. Об архангельском гостином дворе написано достаточно много[1], однако искусствоведческого анализа форм, как и оценки возможного влияния на общерусское строительство в должной степени проведено не было.

Рис. 1. Речной фасад набережных палат русского гостиного двора. 2014 г.
Фото автора.

По ранней истории комплекса выделим фундаментальные труды М.Э.Ясинского и О.В.Овсянникова [11, с. 178-197] и М.И.Мильчика и Л.Д. Поповой [5, с. 106-117]. Авторы вводят в оборот множество новых архивных документов, существенно дополняющих и исправляющих картину возведения и бытования Архангельских Гостиных дворов.

Говоря об источниках, следует особо упомянуть дело «…о постройке в Архангельске-городе каменного гостиного двора…» [9], хранящееся в РГАДА. Дело содержит огромный массив административно-хозяйственных документов. По какой-то причине дело оказалось невостребованным исследователями архангельских гостиных дворов и во всех известных нам трудах, основанных на значительном массиве архивных и библиографических источников, отсутствуют на него ссылки. Вместе с тем, оно упоминается ещё у А.Н.Сперанского [10, с. 92], а в книге Ясинского и Овсянникова имеется ссылка именно на ту страницу его труда, где приводится ссылка на указанное дело [11, с. 178, сноска 5]!

Однако нельзя сказать, что дело совершенно неизвестно. Похоже, что отдельные документы из него опубликованы в «Дополнениях к актам историческим» [4, с. 33-39] почти 170 лет назад. К сожалению, та публикация обладает существенными недостатками – во-первых документы дела опубликованы не по порядку; во-вторых не полностью; наконец, в-третьих, без указания на источник, отчего приводимые документы совершенно «растворены» среди прочих и не составляют комплекса.

[1] За помощь в библиографии благодарю И.М. Гостева, главного научного сотрудника Архангельского краеведческого музея.

Дело охватывает четыре года с марта 7178 (1670) по март 7182 (1674) гг. Документы написаны в основном разборчивым, иногда каллиграфическим почерком. Исключение составляют черновики, написанные в Новгородском приказе, «ведавшим» строительство гостиных дворов, очень неряшливо и содержащие много зачёркиваний и правок, что делает их зачастую совершенно нечитаемыми.

Первые деревянные гостиные дворы в Архангельске появились уже в XVI веке; на протяжении своей истории они неоднократно страдали от пожаров, пока не сгорели полностью 16 мая 1667 г. Уже 25 сентября того же года царём было принято решение построить дворы каменные. Стройка началась в 1668 г., текла вяло из-за катастрофической нехватки каменщиков и за первые три сезона было построено всего 7 амбаров и ещё 2 не достроены (!). В 1671 г. было построено и покрыто тёсом уже 24 нижних амбара немецкого гостиного двора да 2 не достроены [9, л. 183]. Это, конечно, значительно больше, чем раньше, но всё же далеко от необходимых темпов.

Старая система привлечения строительных кадров отчётливо демонстрировала свою нежизнеспособность. Призыв записных[1] каменщиков не давал нужных результатов, на стройку приходило лишь менее половины запрашиваемых строителей. К 8 июня 1672 г., [9, л. 319] спустя почти месяц после начала сезона (13 мая) на стройке присутствовали только 69 человек из 172 вызванных приказом Каменных дел. У них на обучении был всего 91 холмогорский стрелец. Значительное число неявившихся давно умерли, отошли от дел по старости и увечьям или бежали, что, впрочем, нисколько мешало не приказу Каменных дел запрашивать их ещё и ещё раз по старым спискам. Да и остальные каменщики прибывали зачастую позже начала строительного сезона. Всё это сильно затягивало строительство. Попытка решить проблему за счёт призыва каменщиков Кашина и Калязина [9, л. 114] также дала провальный результат – оттуда не явился никто. Именно недостаток каменщиков и ограничивал темпы строительства – недостатка в материалах не было, хотя порой запасы были на исходе[2]. В то же время работы, выполнявшиеся по подрядам, на капиталистических началах, завершались как правило точно в срок, иначе исполнителям грозили жёсткие штрафные санкции. Только новые методы хозяйствования и позволили довести стройку до конца в приемлемые сроки. Лишь привлечение вольнонаёмных каменщиков (но, что удивительно – на тех же условиях) Антониево-Сийского [9, л. 123], Николо-Карельского [9, л. 135] монастырей и других, неуказанных, а также учеников, набранных из местных стрельцов[3], число которых значительно превышало количество профессиональных строителей, дало свои плоды – уже к 1673 г. стройка была полностью обеспечена рабочей силой.

Однако, вслед за постройкой гостиных дворов предстояла стройка городских каменных стен. Предвидя неизбежные трудности, тогдашний воевода А.И. Нестеров предложил не строить отдельно каменную городскую стену, а укрепить гостиные дворы[4] [9, л. 218]. В 1672 г., согласно новому проекту, началось возведение башен.

---

[1] Государственные каменщики – одно из сословий наряду с крестьянством, посадскими людьми и др. Жили в городах, но не плотили с остальными посадскими людьми налогов, не «тянули тягла» с ними. Их основной задачей было явиться по первому запросу в указанное место. На стройке участвовали каменщики семи городов северо-восточной Руси: Солигалича, Костромы, Ярославля, Переславля-Залесского, Вологды, Белозёрска и Ростова.

[2] Сложнее всего ситуация обстояла со связным железом, которое в основном доставлялось из Тулы (до Вологды дорогами, далее по Сухоне и Северной Двине). Шведское стоило дорого, завозилось спорадически и в небольших количествах. О трудностях со строительным железом ещё будет сказано ниже.

[3] Неудивительно поэтому, что первую каменную церковь на посаде Архангельска – Рождественскую в стрелецкой слободе – построят в 1691 г. именно стрельцы.

[4] На обороте помета характерным размашистым почерком дьяка Новгородского приказа «РП-го генваря в Е день …», т.е. челобитная с идеей укрепить дворы вместо постройки отдельной городской стены написана в декабре 1671 г. (в документе упоминается в прошедшем времени 13 декабря) или в самом начале 1672 г. При этом чертёж с «эскизным проектом» был отослан 13 декабря 1671 г. По какой-то причине Мильчик и Попова игнорируют не только недавно вышедшую книгу Ясинского и Овсянникова, но и указанные «Дополнения к актам историческим», где написано [5, с. 129], как возникло решение совместить гостиные дворы с каменным городом. Соответственно с

Кроме того, с 1672 г. по предложению того же воеводы недостаток рабочей силы решили компенсировать увеличением строительного сезона, для чего каменщики должны были явиться в Архангельск на месяц раньше, чем в прошлые года – к Благовещению[1] [9, л. 245]. К 1677 г. немецкий гостиный двор был завершён. В 1682 году дворы уже в основном были построены, а к 1684 готовы полностью. В итоге получился колоссальный комплекс, вытянувшийся вдоль Двины примерно на 500 и вглубь примерно на 200 метров. Его углы и середины длинных прясел были закреплены крупными башнями, придававшими ещё большую торжественность. В последующее время здания перестраивались, но более разбирались, так что к нашему времени от дворов осталась лишь юго-западная часть набережных палат, входивших в состав русского гостиного двора.

Постройка гостиного двора хотя и была сопряжена с большими трудностями, тем не менее не могла не оказать огромного влияния на строительную практику того времени; некоторые решения, опробованные при строительстве, стали общепринятыми на Руси на протяжении нескольких последующих десятилетий. Пожалуй, самым масштабным таким решением стала идея соединить в одном сооружении торговую и оборонительную функции[2]. Строительство в Архангельске стало одной из ступеней возвышения одного из известнейших зодчих последней четверти XVII в. подмастерья Димитрия Старцева и каменщика Антониево-Сийского монастыря Максима Лохоцкого, позже построившего несколько крупных храмов в Подвинье.

Каждый год преодолевая всю Сухону и Северную Двину, направляясь на стройку и обратно, каменщики проникались величественной деревянной архитектурой Подвинья. Строго говоря, точных свидетельств о влиянии увиденного на дальнейшее творчество каменщиков не обнаружено, да и вряд ли когда-либо существовало. Но на широком материале становится видно, что это знакомство не проходило бесследно; что оно определённо обогащало творческие методы зодчих. В частности, каменщики увидели грандиозные деревянные храмы, у которых алтари, а иногда и основные объёмы были завершены бочками или крещатыми бочками[3] (например, в завершении церкви Георгия Победоносца села Пермогорье, построенной в 1665). Чем ещё можно объяснить стремительное и кратковременное распространение каменных бочек на пространстве от Нижнего Новгорода до Великого? К настоящему времени удалось выявить свыше десяти построек, в которых использованы каменные бочки – церкви Успения (1671-1672 гг.[4]; крещатой бочкой увенчан основной объём) на Ильинской горе Нижнего

этим Мильчик и Попова описывают как первоначальный замысел проект с башнями и бойницами, хотя он возник лишь в 1672 г. [6, с. 106].

Есть в книге Мильчика и Поповой другие фактические неточности, «сгущающие краски» картины хода строительства. Среди прочего они пишут, что из-за малочисленности каменщиков, им приходилось тесать камень зимой. Однако тёска камня – не профиль каменщиков, этим занимаются камнетёсы, а каменщики строят из кирпичей (или тех же камней) здание. С другой стороны, документально известно, что каменщики осенью получали расчёт и на зимнее время разъезжались по своим домам: «И городовых, г(о)с(у)д(а)рь, каменщиков от Архангелсково города отпустили мы, холопи твои по домом октября в А [1 октября 1670 г.] день» [9, лл. 183 и др.] и др. Таким образом, в тёске камня зимой ничего экстраординарного нет, а сезон работы каменщиков хоть и был расширен (см. далее), но не столь радикально.

[1] Благовещение празднуется 4 апреля по н. ст.; обычно каменщики созывались к «Георгиеву дню» 6 мая по н. ст.

[2] Ясински и Овсянников уделили этому вопросу достаточно внимания [11, с. 184], перечислив гостиные дворы-крепости, построенные после архангельского, в список которых мы только добавим имеющий вид крепости гостиный двор Верхотурья, построенный в 1698-1714 гг.

[3] Бочечные завершения встречались и в центральном регионе, но, судя по всему нечасто и лишь у самых богатых заказчиков – такие храмы известны в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры и дворцовом селе Никольском на Химке. Не смотря на близость этих храмов к Москве – особенно последнего – каменщикам они вряд ли были знакомы, поскольку находились в стороне от их дорог, так же как и едва ли они произвели бы на них впечатление, подобное двинским исполинам, стоящим на высоких её берегах.

[4] Возможно, перестройка после пожара 1684 г. В настоящее время историком А.И. Давыдовым и искусствоведом И.С. Румянцевым предлагается другая дата постройки – после пожара 1715 г., однако мы придерживаемся традиционной датировки – в том числе и в связи с бочечным покрытием храма, которое более уместно для 1670-х – 1680-х и неизвестно в храмах уже с конца XVII века (кроме разве что церкви Иоанна Предтечи в Каргополе, построенной в 1751 г.).

Новгорода; Иоанна Предтечи (1671-1687 гг.[1]; крыльца) в Ярославле; Покрова (1671-1679 гг.; крыльца[2] в Измайлово; Новые приказы (1675-1680 гг.; крещатая бочка перекрывала здание Разрядного приказа), стоявшие в Московском Кремле; церкви Благовещения (1675-1677 гг.; крыльцо) в Тайнинском; Спаса (1676 г.; алтари) на Сетуни; Воскресения (1678 г.; крыльца) Тутаева; колокольня (1681 г.; основной объём[3]) переславского Феодоровского монастыря; собор Троицы (1684-1697 гг.; алтарь, крыльцо) Соликамска; церковь Одигитрии (1685 г.; система бочек в завершении основного объёма – пожалуй, самое сложное бочечное покрытие в каменном строительстве) Пскова. С 1680-ми гг. обоснованнее связать и каменную бочку над крыльцом[4] собора Далматовского монастыря (Курганская область), официально датируемом 1707 г.[5] Кроме того, упомянем реставрационную бочку над крыльцом Знаменского собора (1676 г.) Китай-города, степень обоснования которой неизвестна, и крещатую бочку над Задними воротами (ок. 1671 г.) Коломенского, первоначальный материал которой также неизвестен.

Такое объяснение в корне отличается от позиции М.В. Вдовиченко и др. авторов, считающих что «вопрос происхождения в позднесредневековой архитектуре такой формы как бочка, вряд ли может быть решён когда-либо бесспорно доказательно». [7, с. 105, а также 102 и 106] Впрочем, мы согласны, что «бесспорно доказательно» едва ли удастся, однако знакомство десятков каменщиков семи городов Северо-восточной Руси с деревянным зодчеством Севера задокументировано и неоспоримо. А поскольку каменные бочки появляются и в короткое время распространяются *после* начала архангельской стройки, то логично предположить, что и *вследствие* её.

По всей видимости именно влиянием Севера можно объяснить расположение приделов церкви Рождества Христова (1676-1677 гг.) дворцового села Измайлова на поперечной оси основного объёма. И до, и после в каменном зодчестве приделы с этой оси сдвигали (очевидно, для достижения большей живописности). В деревянном же зодчестве логика конструкции подсказывала устройство приделов именно на оси основного объёма – как в храме Воскресения Господня (1673 г.) Селецкого погоста.

Помимо непосредственно художественных влияний на русскую архитектуру оказали влияние также несколько решений хозяйственного характера.

Первостепенность архангельской стройки, снабжение её всеми необходимыми материалами позволяют иначе взглянуть на три знаковых недостроя эпохи – Благовещенскую церковь в дворцовом селе Дунилово, Рождественский собор[6] в Солигаличе и кафедральный Успенский собор в Смоленске.

---

[1] Вероятно, каменные бочки относились к самому первому этапу строительства; уже в XVII в. (в 1687 г.?) были перестроены в нынешнее с прямыми скатами.

[2] Ныне из трёх крылец осталось лишь западное.

[3] Колокольня ныне утрачена и не совсем ясно, что из себя представляли её «бочечные аллюзии» – или накладные килевидные формы или первоначальная крещатая бочка, впоследствии надстроенная новым ярусом звона.

[4] Некоторые исследователи считают эту постройку часовней, однако она обладала ярко выраженными остатками ползучих арок и основания всхода, что делает очевидным более позднее её приспособление под часовню.

[5] Барочный декор собора действительно соответствуют общепринятой датировке, однако находятся в противоречии с гораздо более сдержанной декорацией крыльца. К тому же на старых снимках видно, что крыльцо в какой-то момент как минимум полностью утратило связь с собором – мы предполагаем, что с нынешним собором оно никакой связи и не имело, а примыкало к некоему предшествовавшему зданию. Здание это могло появиться именно в 1680-х гг., когда стал епископом новоучреждённой в 1682 г. Холмогорской епархии Афанасий, прославившийся на новом месте своей строительной деятельностью, постриженный в Долматовском монастыре в 1675 г.

[6] Строился по заказу родственников царя Милославских – очевидно, силами царской администрации. Литературная традиция также связывает прерывание стройки в Солигаличе со строительством в Архангельске, однако объясняет тем, что якобы со стройки были перенаправлены каменщики. При этом некоторые авторы без ссылок на источники предполагают возведение собора силами московских каменщиков. В действительности же, как можно видеть, архангельская стройка не затронула московских каменщиков, да и строительство шло (и дошло до сводов, как и в случае с Дуниловым и Смоленском) уже в самый разгар «Архангельской эпопеи». С другой стороны, известно множество частных построек, в том числе и в окрестностях Солигалича, которые, очевидно, велись силами частновладельческих каменщиков. Для примера приведём собор Воскресения Воскресенского

В первом случае каменщики жалуются в челобитной, что им не платят за простой, вызванный нехваткой материала (почему им не платят будет рассмотрено несколько ниже). У солигаличского собора стены доведены до уровня пят сводов, после чего стройка была по какой-то причине остановлена. Наконец, про смоленский собор известно, что его возведение было прекращено именно из-за отсутствия материалов для будущего строительного сезона[1] [6, с. 44]. Спрашивается – каких материалов могло критически не хватать? Производство извести, а особенно кирпича было давно отлажено[2]. Остаётся единственный ответ – связное железо, с производством которого в допетровской Руси, до постройки уральских заводов были большие трудности. Из упоминавшегося дела 109 видно, что едва ли не самое большое (разве что после финансирования) внимание уделяется поставкам (тульского) связного железа. Таким образом, очевидно, что архангельская стройка лишила всё государственное строительство конца 1660-х – 1670-х гг. важнейшего строительного материала, а вместе с тем обрекла многие стройки на несостоятельность.

Хотя статус участников строительства был разнообразен, получали все примерно одинаково: подмастерье Дмитрий Старцев – 7к. в день; каменщики получали 5к. в рабочие дни и 3 в нерабочие; рядовые рабочие соответственно 5к. и 4; подростки – 3к. и 2 [9, л. 194] (при этом иноземец М. Анцын получал 6р. в месяц, т.е. около 20к. ежедневно).

В то же время, желая удешевить стройку, уже знакомый нам воевода-рационализатор А.И. Нестеров предложил не платить каменщикам в нерабочие дни[3] [9, л. 230] – на это 6 февраля того же года последовала соответствующая «разрешительная» царская грамота на Двину [9, 236]. Странная идея, учитывая, что каменщиков и так не хватает. Крайне интересно вновь обратиться к жалобе каменщиков в Дунилово от 8 июня 1673 г. – очевидно там была введена та же практика, что и в Архангельске[4] [1, с. 221-222].

* * *

В условиях долгого строительства и множества разногородних исполнителей крайне любопытно рассмотреть архитектуру дворов, чтобы попробовать понять, к какому времени они тяготеют и не удастся ли атрибутировать авторство декора одному из мастеров или подмастерьев, руководивших стройкой, или какому-нибудь из каменщиков или, что более вероятно, архитектурной традиции города,

---

монастыря Солигалича, построенный в 1663 г. силами подмастерья-посадского человека (т.е. формально посадского человека, а фактически каменщика-подмастерья) Гаврилы Антоновского – он, будучи лично свободным, на стройку в Архангельске не привлекался. Наконец, даже если бы каменщики и были перенаправлены на стройку в Архангельске, при определённой воле заказчика стройка могла бы быть завершена силами частных каменщиков. Поэтому нельзя объяснить внезапное прекращение солигаличской стройки кадровыми проблемами – должны быть другие причины.

[1] Судя по всему, в документах не отображены определяющие причины окончания стройки, что заставляет автора «предположить, что государственное финансирование прекратилось или значительно снизилось, а основные расходы легли на собственную архиерейскую казну, что означало радикальное сокращение темпов строительства». Согласно автору, уже 16 августа становится ясна нехватка строительных материалов для дальнейшего строительства только что заложенного (2 августа) собора, а 22 ноября – приводит для примера сама автор статьи – связного железа лишь 397 пуд из 10000 необходимых. Далее она пишет: «остов собора, без связей, сводов и даже без временной крыши …» – что рисует знакомую нам картину, наблюдаемую в Дунилово и Солигаличе: возведение доведённых до сводов стены прекращено из-за отсутствия связного железа. По той же причине, очевидно, и «олтари отвалились», как описывает храм П. Толстой (сноска там же, но без указания точного места в издании) – без связного железа оказалось невозможным даже возвести алтари с относительно небольшим распором, создаваемым конхами.

[2] Отлажено настолько, что смоленский епископ получал её для стройки собора даром.

[3] Документ не имеет даты. В деле несколько перепутаны листы: следует читать л. 230 – л. 229а – л. 229. На л. 229об. содержится адрес, на л. 230об. – помета дьяка Новгородского приказа «Послать великого г(о)с(у)д(а)ря грамота каменщиком кормовых денег на те дни, в которые не делают, кормовых денег давать не велел».

[4] Очевидно также, что изначально оплата нерабочих дней была прописана в подрядной, иначе каменщики не стали бы жаловаться. Однако если в Архангельске верстались записные, т.е. подневольные каменщики, то в Дунилово работали владельческие, которые на таких условиях работать отказались.

из которого они были присланы. И если карниз и цоколь на всём протяжении должны быть едиными[1], то наличники подчас насчитывали свыше десятка разных типов на одном весьма небольшом здании (например, церковь Троицы в Никитниках и мн. мн. др.).

Ясински и Овсянников провели добротный анализ каменного города с военно-фортификационной точки зрения [11, с. 183 и далее], однако, совершенно обошли вниманием декор дворов. Несмотря на внушительные размеры, палитра декоративных приёмов довольно скупа, что легко объяснимо: руководителю стройки было важно, чтобы весь комплекс выглядел единым монолитом, соответственно с этим был выработан и единый декоративный набор, одинаково доступный каменщику любой квалификации. Существующего материала достаточно для составления полного представления об архитектуре всего комплекса. О внешних фасадах сейчас можно судить по реставрационно-воссозданным фрагментам, а о внутренних по небольшой, но хорошо сохранившейся части русского двора. Кроме того, огромным подспорьем выступают чертежи, рисунки и фотографии с конца XVII по настоящее время.

Из объёмно-композиционных элементов обращают на себя внимание, пожалуй, только ризалиты на речном фасаде немецкого гостиного двора [3]. Очевидно, эти выступы появились до решения возводить дворы как крепость, поскольку они создают опасные для обороняющихся «мёртвые» непростреливаемые из крепости зоны, которые могут использоваться нападающей стороной для концентрации живой силы для дальнейшего броска. Также документально известно, что как минимум до 1671 г. возводился только лишь немецкий гостиный двор. Любопытно, что схожие выступы были в набережных кельях Макарьево-Желтоводского монастыря, построенных примерно в то же время. Хотя там они стояли во внутреннем контуре стен – тем не менее, в одной линии с ними были и крепостные башни. Документальных оснований усмотреть какую-либо связь между гостиными дворами и Макарьев-Желтоводским монастырём нет, однако близкое время постройки и другие идентичные характеристики позволяют такую связь предположить. Впоследствии они, так же как и архангельские палаты этих ризалитов лишились. Включение гражданских построек в линию обороны не было редкостью – достаточно вспомнить крепость Соловецкого монастыря, где сразу двое палат выполняли оборонительную функцию – Поваренный корпус и сушило[2]. Такие же ризалиты были и у московского Гостиного двора на Варварке, построенного в два этапа в 1638-1641 и 1661-1665 гг. Подобные ризалиты, в которых зачастую размещались ретирады, были обычным явлением в монастырской застройке и как правило скрывались за крепостными стенами. В случае отдельно стоящих палат здание открывалось на улицу монументальным, лишённым всяческих выступов фасадом. Таким образом, набережные палаты немецкого гостиного двора являют собой редкий вид палат «с ризалитами наружу», встречающийся в 1600-1670-х гг.

Рис. 2. **Рустованное окно подклета Успенской церкви (1651 г.) Макариева-Желтоводского монастыря. Аналогичное оформление было у окон первого этажа набережных палат немецкого гостиного двора. 2026 г.** *Фото автора.*

С Макарьево-Желтоводским монастырём связывает набережные палаты немецкого двора и специфическое оформление окон в виде руста [5, с. 144] (**Рис. 2**). Точно такое же оформление окон имеет и трапезная Успенская церковь (1651 г.) этого монастыря. Руст окон совсем не такой как руст проездов (см. ниже) – он более похож на привычный нам классицистический руст. Такой, более изысканный руст похоже был применён на набережных палатах немецкого двора в последний раз – более он в русской архитектуре не встречается. Постройки, украшенные похожим рустом, фиксируются с середины 1620-х (Филаретова пристройка, 1626 г.; церковь Михаила Архангела в Нижнем Новгороде, 1628 г.). Ранее считалось, что форма была перенята ещё у иностранных (английских) мастеров, приглашённых в Россию после Смуты. Нельзя ли теперь осторожно предположить, что за всеми этими постройками стоит Матис Анцын? 29 сентября 1671 г. он умер [9, л. 254] и, как уже сказано, такого рустованного декора в русских постройках больше не встречается.

[1] Нынешнее различие западного с поребриком и южного с гладким фризом карнизов видимо объясняется разными реставрационными воссозданиями.

[2] Сушило было обложено камнем, а Поваренный корпус в 1621 г. со стороны озера был обнесён стеной Пристенка.

Вторые этажи дворовых фасадов (**Рис. 3**) образованы сплошными аркадами, лицевые поверхности парапеты и столбы которых сплошь заняты парами крупных перспективных ширинок. Несмотря на их простоту, аркады поражают своей протяжённостью даже сейчас. Над аркадой тянется непрерывная лента, образованная поребриком меж двух валиков и состоящая из архивольтов над арками и соединяющих их импосты перемычек над столбами. Пожалуй, наиболее близкий аналог архангельской – аркады московского гостиного двора и Рождественского собора бывшего Борисоглебского на Ушне монастыря (Муромский район Владимирской области). С первым роднит, насколько можно судить по единственному известному схематичному изображению Берхгольца [12] одинаковое исполнение архивольтов. Со вторым – общий пропорциональный строй и специфическое расположение карниза лишь на боковых гранях столбиков. Но ближе всего, пожалуй, аркатуры ростовских митрополичьих храмов, в особенности церкви Воскресения (1670 г.) – Здесь мы видим и ширинчатые столбики, и ширинчатый парапет и такую же цепочку связанных между собой архивольтов. Кто строил храмы Ростова Великого – документально неизвестно, но, думается, не будет большой натяжкой допустить, что их построили «домовые» каменщики ростово-ярославского митрополита Ионы. Тогда архитектуру аркады можно отнести к ростовской архитектурной традиции. Впрочем, все эти элементы есть и на многих других памятниках, например, на аркатурах Воскресенского собора в Тутаеве, построенного, вероятнее всего ярославцами – однако, они разбросаны по фасаду и не образуют такого же цельного образа как в Ростове и Архангельске. Как можно видеть, аркатуры, подобные архангельской, были уже довольно распространены и к моменту возведения галерей их пропорциональный строй был хорошо отработан.

Рис. 3. **Дворовый фасад набережных палат русского гостиного двора. 2014 г.**

Фото автора.

Если декор дворовых фасадов сохранился почти полностью – настолько, насколько сохранились сами корпуса, то декор уличных фасадов также почти полностью, но утрачен в результате перестроек 1780 и особенно 1850 гг. При последней реставрации 2010-х гг. (проект выполнен в ЦНРПМ) значительной части фасадов придан вид по состоянию на XVII век.

В первозданном виде, насколько можно предполагать, сохранилась лишь часть ширинчатого портала ворот русского двора (**Рис. 4**). Изнутри проезд оформлен таким же порталом, но с архивольтом в виде довольно наивно исполненного руста.

Рис. 4. **Ширинчатое оформление входа русского гостиного двора. 2014 г.**

Фото автора.

Ширинки – излюбленный приём древнерусских зодчих, встречается на протяжении всего XVII в. Уже у церквей Николы Надеина, Покрова в Рубцове и др. ширинками оформлены крыльцо и галереи. Однако оформление боковин проездов – явление довольно редкое и скоротечное. Такие порталы были у проездов под церковью Черниговских чудотворцев (1675-1680 гг.), стоявшей в ряду Новых приказов, и под Благовещенско-Алексеевской церковью (1680-1686 гг.), ведшего на территорию Чудова монастыря. Так что этот декоративный приём можно не без осторожности отнести ко второй половине 1670-х гг.

Руст арок проездов скорее разработка переславль-залесских каменщиков. В первую очередь потому, что чаще всего он встречается именно в этом городе[1]. Хотя самые ранние датированные постройки находятся во Владимире (соборная колокольня и колокольня Рождественского монастыря, 1656 г.), это нисколько не противоречит выводу, поскольку своих каменщиков во Владимирском регионе не было вплоть до конца XVII в., то есть, эти постройки возведены сторонними строителями, может быть и из Переславля-Залесского. Есть лишь два храма-«исключения»: церковь Макария Желтоводского (1670-1674 гг.) в Макариевом на Унже монастыре, где в разное время работали солигаличские каменщики; и

[1] Церковь Даниила (1660 г.) и колокольня (1689 г.) Данилова монастыря; недатированные южные и восточные ворота Горицкого монастыря.

церковь Николая чудотворца (1693 г.) в Борисоглебском монастыре под Муромом, построенная ярославскими зодчими. На счету ярославских зодчих сотни памятников XVII века – и ни на одном неизвестен такой руст, что позволяет усмотреть в Борисоглебе заимствование.

Сейчас здание украшают несколько наличников в формах XVII века – это колончатые наличники, боковины которых украшены бусинами-перехватами. Венчается наличник фронтоном, чьё основание несколько подрезано и что сообщает ему пятиугольную форму. Бросается в глаза разница в наличниках – южные наличники стоят на полочке межэтажного карниза, в то время как западные колонки опираются на ступенчатые кронштейны; проёмы южных окон заглублены в раструб, а западных – в перспективную рамку; наконец, у первых колонки и бусины имеют полукруглое сечение, а у последних – прямоугольное. Вероятно, эти разночтения вызваны недоисследованностью при реставрационном воссоздании, однако нельзя исключать и разного исполнения. Кроме того, на эскизном чертеже 1990-х гг., хранящемся в АОКМ, окна имеют треугольный фронтон и подоконники, а на эскизном чертеже А.М. Александрова 1970-х гг., хранящемся в ЦНРПМ, окна заключены в простые рамочные наличники; как и окно, выходящее на галерею – возможно, единственное древнее окно, зафиксированное на фотографии[1] [2]. На чертеже 1839 г. немецкого двора можно различить остатки растёсанных наличников с обычными треугольными фронтонами; наконец, на чертеже 1780 г. [8] наличники изображены очень мелко, даже не понятно – рамочные они или колончатые, но их фронтон всё же скорее обычный треугольный[2].

Таким образом, форма фронтона – вопрос открытый. Так или иначе, всем перечисленным вариантам находятся аналоги в 1670-х – 1690-х гг. Простые рамочные наличники с треугольными фронтонами распространены по всей Руси, назовём для примера церковь Симеона Столпника (1676 г.) на Поварской[3], воротные башни измайловского дворца, построенные в это же время. Простейшие наборные колонки с бусами-перехватами можно видеть, например, на церкви Казанской иконы Божией Матери (1678 г.) Николо-Шартомского монастыря. Ну а характерным приподнятом на небольших «плечиках» фронтоном обладает ростовская церковь Одигитрии 1693 г.

Итак, архитектурный анализ постройки подтверждает изначальность её декора, созданного на протяжении 1670-х гг. и не позволяет соотнести с каким-либо из последующих достроек и ремонтов. В свою очередь это позволяет условно считать автором проекта первого этажа набережных палат немецких гостиных дворов Матиса Анцына, а всего остального – Дмитрия Старцева.

Важным выводом является широкое влияние на самую представительную часть русской архитектуры, связанную с государственным заказом на несколько десятилетий. Целый ряд факторов прямо и косвенно указывают на это. Помимо совмещения торговой и фортификационной функции в одном сооружении это ещё и непосредственное (через обмен опытом на стройке) и опосредованное (через знакомство с архитектурой Вологодчины и Подвинья) художественное влияние. По факту строительство архангельских гостиных дворов, потребовавшее огромное количество кадровых, финансовых и материальных (в первую очередь железных запасов) ресурсов, приостановило всё казённое строительство, которое велось в лучшем случае по остаточному принципу около десятилетия. Это по своему масштабу предвосхитило строительство Санкт-Петербурга, где усилия, направленные на возведение новой столицы, примут более последовательный и радикальный характер, выразившийся в полном запрете каменного строительства.

---

[1] Точно привязать это окно к месту на фасаде нельзя – поэтому нельзя исключать и ложной атрибуции. Например, фотография 9633 из колл. 1 этого музея была отнесена к Антониево-Сийскому монастырю, в то время как это скорее галерея Архангельских Гостиных дворов.

[2] При этом на изображениях начала XVIII в. наличники вовсе отсутствуют.

[3] Заметим также, что с Симеоновской церковью имеет одинаковую композицию церковь в Верхних Матигорах (1686-1694 гг.) под Холмогорами. Помимо общих для большинства русских храмов мест, они обладают довольно редким для того времени выносом приделов в западную часть вопреки ещё доромановской традиции ставить приделы в один ряд с основным храмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список каменщиков, участвовавших в строительстве архангельского гостиного двора в 1670 г. За основу взят список, приводимый в «деле о постройке <…> гостиного двора» на лл. 36-41, но выверенный по объяснительной записке на лл. 49-55, в которой указано, какие каменщики на стройку не явились и по какой причине.

Роспись разных городов каменщиком,
которым быть у г(о)с(у)д(а)р(е)ва каменного дела у Архангельского города

Переславля-Залеского
Ермолка Иванов Глинин

Ростовской
Ивашка Федоров Жеребец /л.37/

Ярославские
Матюшка Яковлев Кошкин
Петрушка Внифатьев Копаев
Федка Сопегин
Митка Петров Бобыль
Нестерко Андреев
Тимошка Сергеев Колпашник
Оброска Матвеев Шолудяков
Гараска Павлов Сапожник
Матюшка Романов Грудцын Огурцы
Тимошка Степанов
Ефремко Гаврилов Меньшиков
Бориско Емельянов /л.38/
Илюшка Володимеров Волк
Оска Федоров Сопегин
Ивашко Иванов Гвосков (Гвоздок?)
Петрушка Герасимов Сапожник

Вологоцкие
Лучка Гурьев Пирожник
Федка Осипов Собакин
Ивашко Завескин
Ивашко Григорьев
Сергунка да Спирка Аникиевы Стафуровы
Калинка Медведев
Елфимко Васильев Детков
Янка Собакин /л.39/
Ромашка Евстифеев Извощик
Андрюшка Аверкиев Бабушкин
Галахтионко Володимеров
Самошка Федоров Собакин
Мирошка Федоров
Федка Федоров
Мишка Миронов

Белозерские
Стенка Дмитриев Тошков
Якушко Микитин Маринин
Стенка да Оска Федоровы Гулеевы
Титко Пятунин Кривокосов Ступачев
Бориско Семенов Меркушин Мездрин
Кипряшка Мездрин
Ивашко Григорьев
Куземка Федоров

Соли Галицкой
Андрюшка Степанов Янкин
Ивашко Степанов Янкин
Тимошка да Оска Михайловы Вороновы
Митка Григорьев Самылов
Андрюшка Афонасьев Полстовалов

Якушко Спиридонов Сунятев
Макарко Зубок /л.40/
Сенка Захаров Томшин
Кирюшка Толстопятов
Пронка Андреев Полстовалов
Сенка Алексеевы Хромушины
Петрушка Прокофьев
Митка Михаилов Овчинников
Игнашка Кузмин Пикин
Ивашко Григорьев Лежнев
Митка Микитин Каютин

Костромской
Панкрашка Тихонов /л.41/

Да ис каменного ж приказу по росписи под грамотою велено выслать каменщиков с Костромы Ипаткого мнстря, а кого имяны выслать – и тому роспис.

Фефилко Елизаров
Ивашко Степанов
Тимошка Симанов
Васка Кузмин
Овдокимко Агафонов
Ивашко Иванов
Оброска Семенов
Митка Петров
Ивашко Карпов
Бориско Гарасимов
Васка Дорофеев

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Борисов В.* Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. – Москва : Тип. В. Готье, 1853. – 418 с.

[2] Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева (ГНИМА им. А.В. Щусева). КПнвф-110-27. Фот. П.Д. Барановский, апрель 1933 г.

[3] Государственный Русский музей (ГРМ). Гр 9553. Речной фасад немецкого гостиного двора. Гравер И.И. Селезнев. 1839 г.

[4] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. VI. – Санкт-Петербург : тип. Эдуарда Праца, 1857. – 518 с.

[5] *Мильчик М. И., Попова Л. Д*. Первые ворота Российского государства : Очерки градостроит. и архитектур. истории Архангельска и Холмогор. – Санкт-Петербург : Лики России, 2002. – 222 с.

[6] *Никольская Н. Ю.* Строительная история памятника в контексте финансирования (на примере Успенского собора города Смоленска) // Реставрация и исследование памятников истории и культуры. Вып. 13. – Москва : Традиция, 2024. – С. 106.

[7] Опыт виртуальной трёхмерной реконструкции здания приказов XVII в. в Московском Кремле / *М.В. Вдовиченко, В.Е. Еремеев, Е.К. Затяева* [и др.] // Архитектурная археология. Вып. V. – Москва : Ин-т археологии РАН, 2023. – С. 93-110.

[8] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 853. Л. XXXVIII.

[9] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 4. Д. 109.

10] *Сперанский А. Н.* Очерки приказа каменных дел. – Москва : РАНИОН, 1930. – 222 с.

[11] *Ясински М. Э., Овсянников О.В.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский север: проблемы и источники. Т. I. – Санкт-Петербург : Петерб. востоковедение», 1998. – 464 с.

[12] Nationalmuseum (Stockholm). Bergholtz-samlingen. Inventory No. NMH THC 9076:57, 9076:58.

REFERENCES

1. Borisov V. (ed.) *Starinnye akty, sluzhashchie preimushchestvenno dopolneniem k opisaniyu g. Shui i ego okrestnostei* [Old Deeds Serving Chiefly as a Supplement to the Description of the Town of Shuya and Its Surroundings], Moscow, Tip. V. Gotye, 1853, 418 p.

2. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Supplements to Historical Deeds, Collected and Published by the Archaeographic Commission], vol. VI, Saint Petersburg, Tip. Eduarda Pratsa, 1857, 518 p.

3. Mil'chik M.I., Popova L.D. *Pervyye vorota Rossiyskogo gosudarstva: Ocherki po istorii gradostroitel'stva i arkhitektury Arkhangel'ska i Kholmogorov* [The First Gates of the Russian State: Essays on the Urban Planning and Architectural History of Arkhangelsk and Kholmogory], Saint Petersburg, Liki Rossii, 2002,222 p.

4. *Nationalmuseum (Stockholm), Bergholtz-samlingen*, Inv. No. NMH THC 9076:57, 9076:58.

5. Nikol'skaya N.Yu. *Stroitel'naya istoriya pamyatnika v kontekste finansirovaniya (na primere Uspenskogo sobora goroda Smolenska)* [The Construction History of the Monument in the Context of Funding (the Case of the Assumption Cathedral in Smolensk)], *Restavratsiya i issledovanie pamyatnikov istorii i kultury. Vyp. 13* [Restoration and Study of Monuments of History and Culture. Issue 13], Moscow, Traditziya, 2024, p.106.

6. Rechnoi fasad nemetskogo gostinogo dvora. Graver I.I. Seleznev, 1839 g., *Gosudarstvennyi Russkii muzei* (GRM), item Gr 9553.

7. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA),* coll. 141, aids 4, fol. 109.

8. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo flota (RGA VMF)*, coll. 3, aids 23, fol. 853, p. XXXVIII.

9. Speranskii A.N. *Ocherki prikaza kamennykh del* [Essays on the Prikaz of Stone Works], Moscow, RANION, 1930, 222 p.

10. *State Research Museum of Architecture named after A.V. Shchusev* (GNIMA), item KPnvf-110-27, photograph by P.D. Baranovskii, April 1933, Moscow.

11. Vdovichenko M.V., Eremeev V.E., Zatyaeva E.K. et al. *Opyt virtual'noi trekhmernoi rekonstruktsii zdaniya prikazov XVII v. v Moskovskom Kremle* [An Experience of Virtual Three-Dimensional Reconstruction of the 17th-Century Building of the Prikazy in the Moscow Kremlin], *Arkhitekturnaya arkheologiya* [Architectural Archaeology], issue V, Moscow, In-t arkheologii RAN, 2023, pp. 93-110.

12. Yasinskii M.E., Ovsyannikov O.V. *Vzglyad na Evropeiskuyu Arktiku. Arkhangel'skii sever: problemy i istochniki. T. 1* [A View on the European Arctic: the Arkhangelsk North: Problems and Sources. Vol. 1], Saint Petersburg, Peterb. vostokovedenie, 1998, 464 p.

ARKHANGELSKY HOSPITALITY COURTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ARCHITECTURE OF THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

Vadatursky Dmitry Alexandrovich,
Research fellow, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
State Institute for Art Studies (Moscow)

Abstract. *The article provides a detailed examination of the architectural decoration of the Arkhangelsk Gostiny Dvory, identifies a range of similar structures, and also examines the impact that this grand construction project had on construction practices throughout Rus' for several decades to come.*

Keywords: *stone architecture, masons, 17th century, Arkhangelsk, Gostiny Dvor, comparative art studies.*

© Вадатурский Д.А., текст, фото, 2026
Статья поступила в редакцию 06.11.2026.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка для цитирования статьи:
Вадатурский Д. А. Архангельские гостиные дворы в контексте русской архитектуры второй половины XVII в. – DOI 10.34685/HI.2026.89.11.008 // Культурологический журнал. – 2026. – № 4(66). – С. 40-50. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/789.html&j_id=70. – Текст : электронный.